

ЗАЧЕМ РОССИИ НАДО СТИМУЛИРОВАТЬ РОЖДАЕМОСТЬ, ЕСЛИ КИТАЙ ЕЕ ОГРАНИЧИВАЕТ?

В. Попов, профессор Российской экономической школы

Больше рождаемость – меньше рост

Кажется, что ответ на вопрос лежит на поверхности: Китай перенаселен, а России не хватает людей для освоения своей огромной территории. На самом деле, ни первое, ни второе утверждение не очевидно. Плотность населения в Индии почти в 3 раза выше, чем в Китае, в Бангладеш – в 7 раз, в Южной Корее – в 3,5 раза выше, но эти страны не ограничивают рождаемость, как Китай. С другой стороны, плотность населения в Австралии и Канаде в 3 раза ниже, чем в России, однако вопрос о способности контролировать национальную территорию там не стоит. Да и в самой России всего 25 лет назад численность населения была ниже сегодняшних 143 миллионов человек, но никому и в голову не приходило, что Россия не имеет достаточно населения, чтобы эту территорию удержать. Скорее наоборот, низкая плотность населения, или, иначе, большая территория в расчете на 1 жителя и сопряженная с этим высокая удельная наделенность ресурсами – сельхозугодиями, полезными ископаемыми, и т. п., - это преимущество, а не недостаток, это стартовый капитал, который многие страны хотели бы иметь, но не имеют. Издержки, конечно, тоже есть (в виде, скажем, больших транспортных расходов), но они несопоставимы с выгодами.

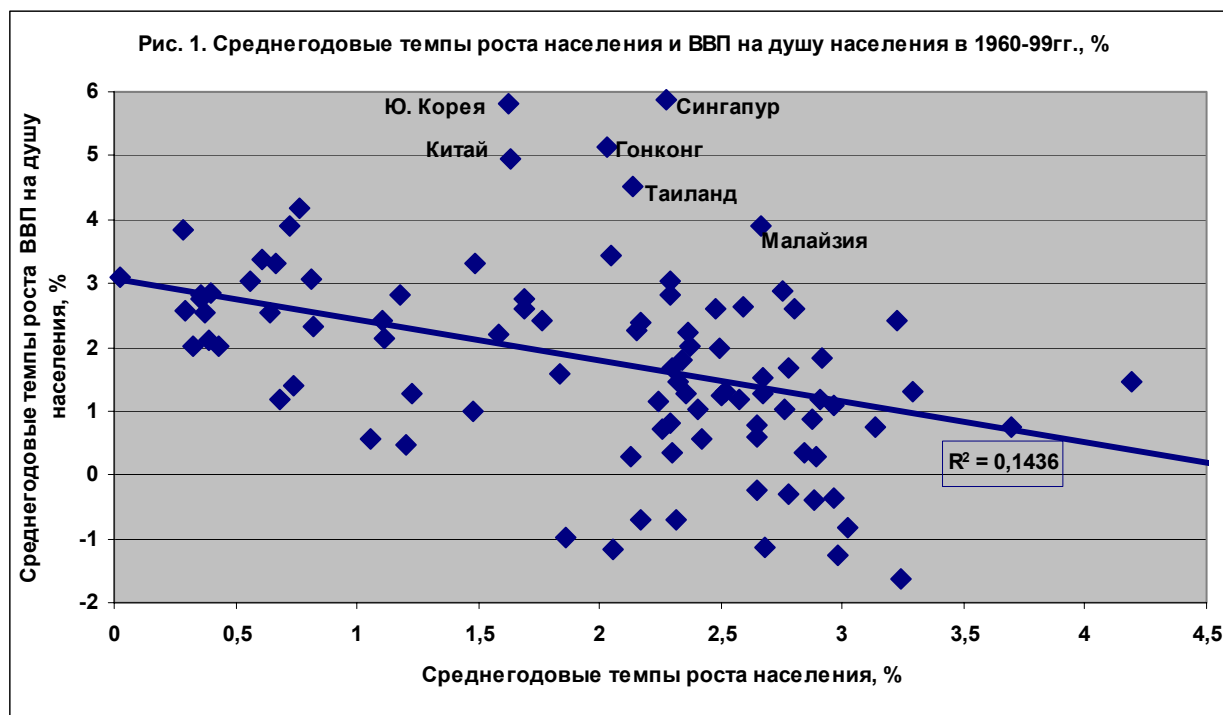
Не менее важен и динамический аспект проблемы – страны с высокими темпами роста населения проигрывают в том, что касается темпов роста производительности и ВВП на душу. Это одна из самых устойчивых и хорошо изученных экономистами зависимостей: в модели Солоу, разбираемой в начальном курсе макроэкономики, инвестиции делятся на две части – одна идет на возмещение выбытия основного капитала и создание новых рабочих мест (для поддержания неизменной капиталовооруженности – объема капитала на 1 занятого), а другая – на повышение капиталовооруженности, который собственно и ведет к росту производительности труда. Если население растет быстро, то приходится все инвестиции направлять на создание новых рабочих мест, а на повышение капиталовооруженности (технической оснащенности каждого рабочего места) инвестиций уже не остается.

Эти рассуждения верны в отношении не только физического капитала, но и человеческого – накопленных знаний, образования, трудовых навыков, овеществленных в самом работнике. Если темпы роста населения высоки, то доля затрат на воспитание и образование детей в ВВП высока, так что на повышение уровня образования всего населения (что позволило бы поднять производительность труда) средств уже не остается.

Так было до XVI века при так называемом «мальтузианском режиме роста» – прогресс технологии вел к росту реальных доходов, который в свою очередь вызывал сокращение смертности и повышение темпов роста населения, «съедавшее» весь рост инвестиций и ВВП из-за прогресса технологии. До XVI века даже в западных странах практически не было роста ВВП на душу населения – в средневековой Европе он был почти таким же, как и в Древнем Египте или в доконфуцианском Китае. Из этой «ловушки роста» мир (точнее, сначала страны, называемые теперь западными) смог вырваться только пять столетий назад. А некоторые страны (многие африканские, Бангладеш, Афганистан) не могут вырваться и по сей день: ВВП на душу населения в них сейчас не намного выше, чем и 500 и даже 5000 лет назад.

Отрицательная зависимость между темпами роста населения и темпами роста подушевого ВВП просматривается для всех стран и для любых периодов, насколько хватает статистического горизонта (рис. 1). Исключения здесь только подтверждают правило – сохранять высокие темпы роста подушевого ВВП, несмотря на приличные темпы роста населения, могли только страны с очень большой долей инвестиций в ВВП – «азиатские тигры» и их близкие «родственники» - Гонконг, Китай, Ю. Корея, Малайзия, Сингапур, Таиланд (рис. 2). В этих странах доля инвестиций в ВВП превышала в рассматриваемый период 30% против 20% в России сегодня, так что хватало и на создание новых рабочих мест, и на повышение капиталовооруженности, влекущей за собой рост производительности.

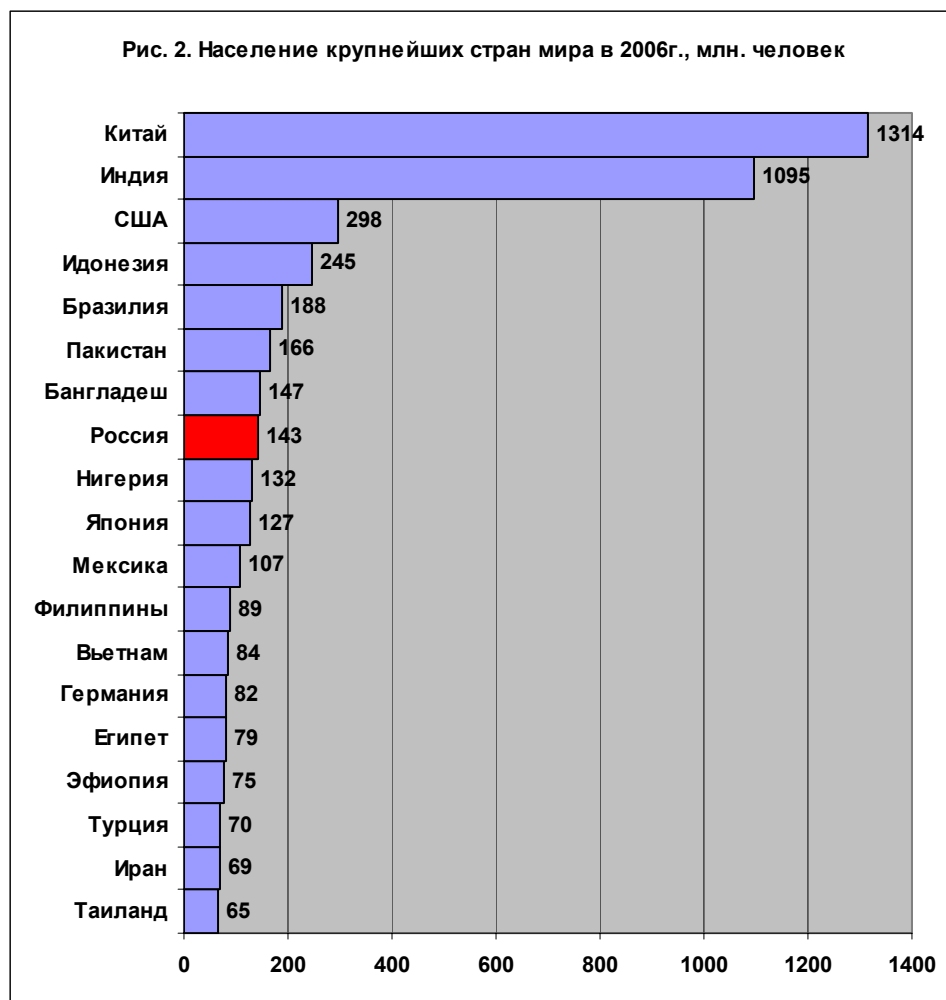
Именно поэтому Китай вот уже почти три десятилетия ограничивает темпы роста населения с помощью политики «один ребенок в семье», признанной успешной во всем мире: темпы роста китайского населения снизились с 2,7% в конце 60-х-начале 70-х годов до 0,6% сегодня, а реальные доходы этого населения растут в последние три десятилетия на 7-8% в год. Продолжительность жизни сегодня в Китае – 73 года против 65 лет в России и Индии.

В России нет демографического кризиса, а есть кризис смертности

Население России на середину 2006 года составляло уже менее 143 млн. человек. Советский Союз был когда-то на 3-м месте в мире по численности населения после Китая и Индии, а теперь Россия занимает лишь 8-е место, причем через пару десятилетий при сохранении существующих тенденций Россия пропустит вперед не только Нигерию, Мексику, Филиппины и Вьетнам, но, возможно, и Египет, Эфиопию, Турцию, Иран, Таиланд.

Однако и во многих западных странах численность населения не растет или растет очень медленно, но это, если и вызывает беспокойство, то только из-за изменения возрастной структуры населения (старение), а не из-за абсолютной нехватки числа жителей. России, напротив, старение не грозит из-за заоблачно высокой смертности, но мы почему-то более всего озабочены не уровнем смертности, а именно абсолютным сокращением населения. На самом же деле, если бы российское население не сокращалось в последние 15 лет, то повышать уровень жизни было бы гораздо сложнее. Инвестиций, составляющих сейчас всего четверть от уровня предкризисного 1989 года, просто не хватило бы для поддержания уровня основного капитала в расчете на 1 занятого. Сокращение же этого уровня привело бы к падению производительности труда и снижению уровня жизни.

Поэтому главная демографическая беда сегодня – не низкая рождаемость и не отрицательные темпы роста населения, а исключительно высокая смертность. И не потому, что высокая смертность ведет к сокращению населения, а потому, что высокая смертность – обратная сторона низкой продолжительности жизни, которая ценна сама по себе, вне зависимости от того, хорошо это для экономики или плохо.

Но и для экономики снижение смертности лучше, чем повышение рождаемости. Ведь при снижении смертности население увеличивается в основном за счет уже образованных специалистов, не умирающих преждевременно, так что фактически продлевается «срок службы» человеческого капитала, тогда как при повышении рождаемости национальная экономика не получает ничего, кроме необходимости тратить больше на образование (в первые 20 лет) и на создание новых рабочих мест. Особенно в России, где в 90-е годы самое резкое увеличение смертности произошло среди трудоспособного населения, главным образом 40-50-летних мужчин.

Короче, если и надо из каких-то высших соображений увеличивать российское население, для чего правительство выделяет определенную сумму, то любой экономист скажет вам, что наибольшая чисто хозяйственная отдача от этих средств будет достигнута, если пустить их на снижение смертности трудоспособного населения или на привлечение квалифицированных мигрантов, а не на повышение рождаемости.

Почему смертность так высока

Сегодня в мире нет ни одной страны с ВВП на душу населения на уровне российского и такой высокой смертностью. Напротив, есть множество более бедных, чем Россия, стран с более высокой продолжительностью жизни – от Кубы (77 лет) до Сирии (70 лет). Чтобы найти такую высокую смертность, как сейчас (1,6%), в советской истории, придется удалиться от сегодняшнего дня без малого на полвека – за 1941-49гг. данные отсутствуют, но достоверно известно, что в 1940г. смертность была выше, чем сейчас. Однако уже в начале 50-х годов смертность была не просто ниже, а почти вдвое ниже, чем сегодня (рис. 3) – даже при существовании сталинских лагерей и повышенной смертности от военных ранений!

Эксперты пока еще спорят, чем вызвано гигантское – на 60% за всего 6 лет (1989-95гг.) повышение смертности в России. Оно наблюдалось практически во всех переходных экономиках (за исключением Китая и Вьетнама), в том числе и в странах Восточной Европы, хоть и не в таких масштабах, как в странах СНГ и России. Называют такие

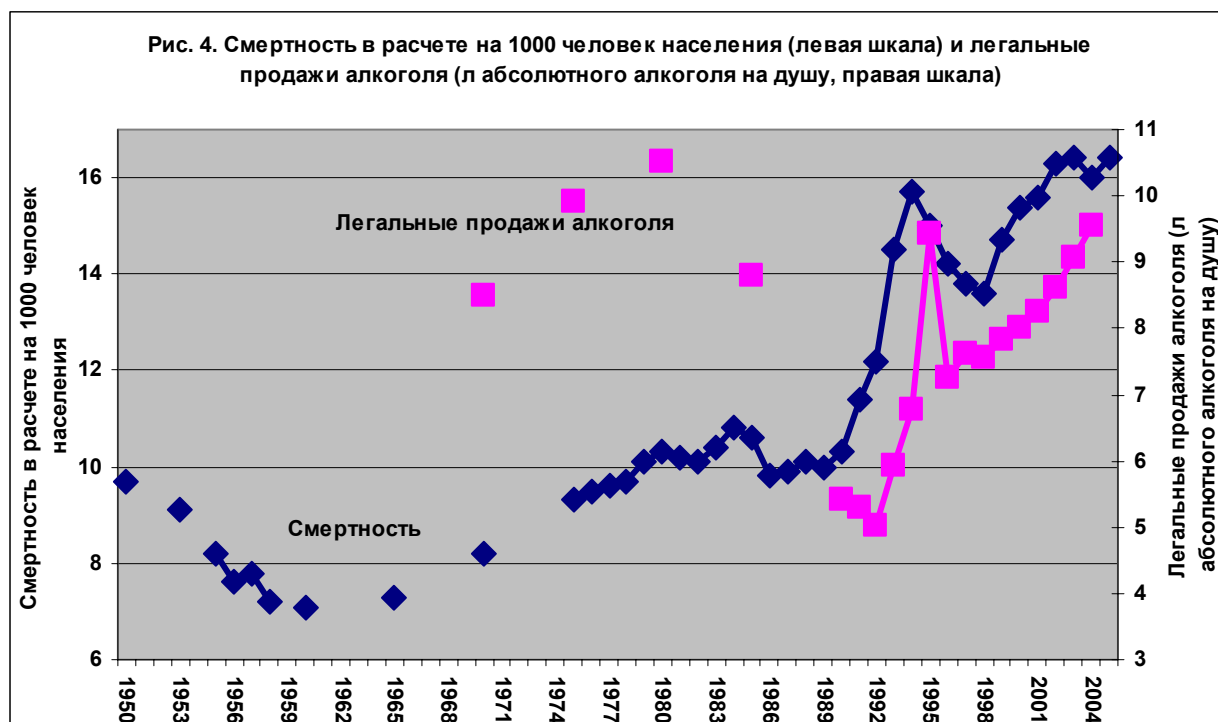
причины, как «эхо» антиалкогольной кампании второй половины 80-х годов (в 90-е годы умерли те, кому в конце 80-х спасли жизнь, принудительно заставив пить меньше); сокращение реальных доходов и рост социального неравенства в начале 90-х годов, приведшие к ухудшению питания большинства россиян; ухудшение системы здравоохранения; рост потребления алкоголя и табачных изделий; загрязнение окружающей среды; рост смертности от убийств, самоубийств, несчастных случаев.

Вряд ли кто-то будет отрицать, что все перечисленные факторы сыграли определенную роль, но, похоже, полностью объяснить катастрофический рост смертности они не могут. Во-первых, негативное «эхо» антиалкогольной кампании в 90-е годы оказывается в несколько раз больше позитивного первоначального эффекта от снижения потребления алкоголя в конце 80-х. Во-вторых, ухудшение системы здравоохранения, рост потребления алкоголя и табака, загрязнения среды, ухудшения питания должны были привести к увеличению смертности с определенным лагом, а оно наступило практически сразу. В-третьих, изменение структуры питания – в сторону увеличения потребления хлеба, макаронных изделий, картофеля, овощей за счет снижения потребления мясомолочных продуктов – не может объяснить роста смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, а это главный фактор прироста смертности. В-четвертых, потребление алкоголя в 1980г. по официальным данным было выше, чем в 2005г., хотя смертность была вдвое ниже (рис. 4). В-пятых, статистика потребления алкоголя в 90-е годы не очень надежна – рост потребления в большой степени, видимо, отражает улучшение статистического учета (сокращение нелегального импорта и подпольного производства). Наконец, в-шестых, экологическая обстановка во многих городах в начале 90-х годов улучшилась из-за падения производства на 40% в 1989-96гг.

Альтернативное объяснение состоит в указании на факторы стресса перехода к рыночной экономике: рост безработицы, текучести рабочей силы (увольнений и наймов), миграции, разводов, социального неравенства. В работе «Кризис смертности в переходных экономиках» под редакцией А. Корнии и Р. Паниччи¹ показано, что рост смертности по странам СНГ и Восточной Европы и по регионам России сильно коррелирует с индексом стресса, составленным из 5 вышеназванных показателей. Эта теория хорошо согласуется с тем фактом, что главный прирост смертности произошел как раз из-за сердечно-

¹ Cornia, G. A. and R. Panicià (eds) (2000), *The Mortality Crisis of Transitional Economies*. Oxford: Oxford University Press.

сосудистых заболеваний у мужчин: стресс, как известно, вызывает именно такие заболевания, а мужчины справляются со стрессом хуже, чем женщины.

Снизить смертность или поднять рождаемость?

Не разобравшись с причинами высокой смертности, трудно сказать, каковы наиболее эффективные пути ее снижения. Возможно, ограниченные средства надо направить на улучшение системы социальной защиты и переподготовки кадров, чтобы снизить стресс, связанный с безработицей, частыми поисками работы и неуверенностью в завтрашнем дне. А, возможно, на борьбу с алкоголизмом или на восстановление разрушенной системы здравоохранения. Скажем, операций аорто-коронарного шунтирования, продляющих, как утверждают, жизнь, как минимум, на несколько лет, в США ежегодно совершается около полумиллиона, а в России всего несколько сот. Консервативная оценка стоимости такой операции – 20 тысяч долларов, так что 100-200 тысяч таких операций, которые, по оценкам, нужно делать в России по медицинским показаниям, обойдутся в 2-4 миллиарда долларов. Однако не исключено, что вложения в массовый спорт и сплошные диспансеризации более эффективны, чем увеличение числа дорогостоящих медицинских операций – с этим, похоже, и на Западе еще окончательно не определились.

Как бы там ни было, меры по снижению смертности требуют повышения эффективности государственных институтов – и социальной защиты, и системы здравоохранения, а не

прямых трансфертов населению. Институты наладить, конечно, сложнее, чем просто передать деньги родителям, повышающим рождаемость; известно, что часто случается при выделении денег чиновникам на укрепление институтов – половина может потеряться по пути в больницу. Так что мотив действия власти, решившейся на стимулирование рождаемости через прямые выплаты мамам в принципе можно понять.

У нас и с другими общественными благами так происходит – в последние 5 лет рост поступлений от резко вздорожавших нефти и газа почти полностью трансформируется в рост реальных доходов населения, а кардинального увеличения госрасходов на правопорядок, образование, здравоохранение, инфраструктуру так и не видно. Однако именно способность, вернее, неспособность, государства предоставлять эти общественные блага и является сегодня самым узким местом в российской экономике и социальной жизни. Поэтому деньги все-таки лучше тратить на укрепление госинститутов, в том числе и таких, которые бы привели к снижению смертности, а не на увеличение числа новорожденных, обреченных на короткую жизнь в коррумпированной, плохообразованной и нездоровой стране с разваливающейся инфраструктурой и высокой преступностью.